

УДК 821.161.1: 168.522 (Русская литература / Гуманитарные науки. Культурология)

**АПОФАТИКА И.А. БУНИНА:
ЕСЕНИНСКИЙ ПОДТЕКСТ В РАССКАЗЕ «НЕСРОЧНАЯ ВЕСНА»**

© 2026 М.А. Дударева

*Дударева Марианна Андреевна, доктор культурологии,
доктор филологических наук,*

*¹заведующий кафедрой общей и славянской филологии
Института гуманитарного образования и культуры,*

²профессор кафедры цивилизационной журналистики

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

¹РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

²Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 25.04.2026

Статья посвящена поэтике И.А. Бунина, в которой латентно проявился есенинский подтекст. Материалом для работы послужил рассказ автора эмигрантского периода с апофатическим сложным заглавием «Несрочная весна». Объектом исследования выступил перифраз из известной есенинской маленькой поэмы «Кобыльи корабли» внутри бунинского рассказа. Большое внимание уделяется образу зари, который является стержнеобразующим для поэтики и И.А. Бунина, и С.А. Есенина. Заря в русской художественной культуре связана с апофатическим светом, божественным светом, который приоткрывается герою в определенный час судьбы. В центре исследования также оказываются отсылки к державинскому тексту, который эксплицитно и имплицитно функционирует в бунинском рассказе. Данный текст обладает большим культурологическим потенциалом не только для изучения национального бытия И.А. Бунина, но и для понимания межкультурного диалога, который возникал между писателями разных поколений и эстетических систем. Методология работы базируется на использовании герменевтико-интерпретационного метода, который позволяет целостно понять онтологические вопросы художественного произведения. Результаты статьи могут быть использованы в преподавании курсов по русской литературе начала XX века, фольклору, философии.

Ключевые слова: русская литература, модернизм, творчество И. А. Бунина, поэмы С. А. Есенина, фольклор, танатологический

DOI: 10.37313/2413-9645-2026-28-107-44-50

EDN: TUZSUL

Введение. Цифровая культура на первый взгляд предлагает человеку ответы на все вопросы, но исключает апофатическое (непостижимое) в мире. Однако ощущение утраты смыслового отвеса, знания о сакральном, непостижимом, только увеличивает размах маятника поэтических вопрошаний. Художники слова в России всегда шли по пути инициатических трансмиссий и показывали в своем творчестве *швы жизни* (выражение философа С. Кржижановского), соединение феноменального мира с нуменальным пространством культуры. Через язык поэзии они старались дать знание о непостижимом и невыразимом: в русской художественной словесной культуре эти состояния проявляются в языке в лексемах типа *несказанный, неведомый, неописанный* и т. д. [Михайлова М.Ю., с. 28-30].

История вопроса. Рассказ И.А. Бунина 1920-х гг. эмигрантского периода «Несрочная весна», написанный в форме письма к другу рассказчика, исследователи подробно рассматривали в первую очередь в контексте творчества Е.А. Баратынского, что и понятно, поскольку в самом рассказе находим прямые отсылки к известной элегии поэта «Запустение», без внимания к которой действительно нельзя понять глубину лирических переживаний бунинского героя [Капинос Е.В., 2008, с. 84-88]. В этой связи литературоведы также высвечивают державинский подтекст рассказа, уделяя большое внимание теме уходящей России и послереволюционному «настоящему» [Капинос Е.В., 2013, с. 65-68], и здесь — пространственно-временной организации текста (исследуется оппозиция «город — усадьба» [Млечко А.В., с. 73-82]). Однако в бунинском рассказе, кроме прямых отсылок к творчеству Е.А. Баратынского, находим

также перифраз из известной маленькой поэмы С. Есенина «Кобыльи корабли», на что, конечно, обращают внимание исследователи [Млечко А.В., с. 75], но довольствуются констатацией данного факта, не вычлняя *есенинский подтекст*. Но в этом рассказе, по замечанию специалистов, очень четко противопоставлены по модальности мир настоящего и мир прошедшего с характерными знаками, признаками для каждого [Чижонкова Л.В., с. 49], значит, стоит обратить особое внимание на позицию есенинского перифраза в тексте Бунина.

Метод исследования – герменевтико-интерпретационный, который позволяет целостно понять онтологические вопросы художественного произведения, и сопоставительный, направленный на сравнение нескольких художественных текстов, бунинского и есенинского в данном случае.

Результаты исследования. Герой, возвращающийся в забытую усадьбу, продвигается к своей заветной цели нелегким путем: поезд опоздал, возничий уехал, в трактир на ночлег не пускают. Так путешествующий на какой-то момент выпадает из линейного времени и привычного положения дел: «Ах, как долга была эта ночь! На небе вдали, за чернеющим лесом, закатывался замазанный лунный серп. Потом и он скрылся, стала на том *месте поблескивать зарница*... Я сидел, шагал перед крыльцом по смутно белеющей дороге, опять сидел, курил на пустой желудок махорку...» [Бунин И.А., с. 210]. В этот момент герой сопричастен космосу, он остался наедине с самим собой, что онтологически значимо у И.А. Бунина и *окрашено* в данном случае светом зарницы и следующего за ней нового дня: «Дул уже свежий ветер, и вдали угрожающе постукивал гром. А я сидел и любовался. Помнишь ночные грозы в Васильевском? Помнишь, как боялся их весь наш дом? Представь, *я теперь лишился этого страха*... Но на рассвете, когда тучки за лесом стали бледнеть, редеть и все вокруг стало принимать дневной, будничный вид, мне неожиданно посчастливилось» [Бунин И.А., с. 211]. Е.В. Капинос, анализируя архитектонику «Несрочной весны», обращает внимание на колористику рассказа: «...мир Бунина — это трагический закат, все ярче и ярче разгорающийся в темном небе. Закаты / зори очень часто описываются у Бунина: в небольшой по объему “Несрочной весне” их два... Стоит прибавить к этому ночную грозу на станции и пожар, которого в тексте нет, но который немедленно возникает в связи с хранящейся во “дворце” частицей флагманского корабля “Св. Евстафий”» [Капинос Е.В., 2008, с. 86]. Замечание исследователя правомерно и продуктивно, но хотелось бы его дополнить и расширить есенинским контекстом, который в этом случае оказывается актуальным: «Теперь, когда от славы и чести Державы Российской остались только “пупки”, пишут иначе: “Солнце, как лужа кобыльей мочи...”» [Бунин И.А., с. 214].

С одной стороны, бунинский герой иронично перифразирует С. Есенина. С другой стороны, есенинские строчки приходят в голову путешественнику в момент пребывания того в усадьбе, в идеальном для него пространстве, и это особенно важно, поскольку в этом рассказе мир прошлого, идеальный образ уходящей России, и мир послереволюционной действительности, Московщины, от которой бежит герой, четко разделены. Зачем человеку, очарованному стариной дворца, его покоем, который он ощущает, рассматривая статуи и портреты неизвестных ему, но красивых людей, как бы отравлять свое сознание возвратом к реалиям современности? Значит, не так отдаленны друг от друга мир опустевшей усадьбы и послереволюционной России, и не так однозначен перифраз из есенинских «Кобыльих кораблей», в которых образ *зари* является ключевым в онтологическом понимании судьбы поэта, художника слова в новой действительности:

В сад зари лишь одна стезя,
Сгложет рощи октябрьский ветер.
Все познать, ничего не взять
Пришел в этот мир поэт [Есенин С.А., с. 80].

Продолжая мысль Е.В. Капинос о латентном присутствии отсвета пожара реального корабля «Св. Евстахий» (подарок императрицы Екатерины сыну) в рассказе И.А. Бунина, можем дополнить этот ряд закатов / зорь и есенинской зарей, есенинским *солнцем-кустом* из маленькой поэмы, где этот *апофатический свет* связан с творчеством, Логосом, судьбой России и судьбой поэта в новой действительности. Исследователи полагают, что центральной темой поэмы является «голод в Поволжье» [Юдушкина О.В., с. 656] и разочарование идей русской революции, но мы обратим внимание на частотность

употребления лексемы «заря» в пределах небольшого по объему текста. Неслучайны здесь вопросы лирического героя аксиологического и онтологического свойства:

*Кто это? Русь моя, кто ты? Кто?
Чей черпак в снегов твоих накопъ?
На дорогах голодным ртом
Сосут край зари собаки.*

*Им не нужно бежать в «туда»,
Здесь, с людьми бы теплей ужиться.
Бог ребенка волчице дал,
Человек съел дитя волчицы [Есенин С.А., с. 80].*

И.А. Бунин не мог не знать полного текста «Кобыльих кораблей», напечатанных в сборнике «Харчевня зорь» в 1920 году, и при всем внешне негативном отношении к творчеству поэта писатель, по замечанию исследователей, следил за фигурой Сергея Есенина до конца его дней [Занковская Л.В., с. 21; Крицына Е.Ю.]. В этом случае идет речь не о личных сложных отношениях двух классиков русской литературы и заимствованиях, а больше о поэтике *притяжения и отталкивания*. Есенинская заря, являющаяся своего рода апофатическим невечерним светом, связана с парадигмой новой вечной жизни, формулой раннего вставания [Мальцев Г.И.]. В этом отношении показательнее ранее стихотворение поэта «Разбуди меня завтра рано», где представлена встреча зари вечерней и утренней. Именно в такой поворотный момент вневременности решается судьба героя:

*Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт [Есенин С.А., с. 115].*

Возвращаясь к бунинскому рассказу, обратим внимание также на то, что упоминание есенинской поэмы, пусть и в перифразированном виде, располагается в пределах одного абзаца, в котором упоминается и прямо цитируется элегия Е.А. Баратынского «Запустение». Кроме того, этот текст становится сквозным в архитектонике рассказа, им заканчивается письмо к другу: «Помнишь ли ты те стихи Баратынского, из которых я привел тебе несколько строк и которые так совпали с тем самым важным для всей моей теперешней жизни, что таится в самом сокровенном тайнике моей души? Помнишь, как кончается эта элегия, посвященная предчувствию того Элизея, который прозревал Баратынский под тяжестью своих утрат и горестей? Среди заустения родных мест, среди развалин и могил, я чувствую, говорит он, незримое присутствие некоего Призрака; и он, “сия Летийская Тень, сей Призрак”» [Бунин И.А., с. 217]. Многие литературоведы справедливо полагают, что тень, возникающая в конце элегии, является тенью отеческой, то есть тенью реального человека, отца, которого так любил и оплакивал сам поэт [Котельников В.А., с. 145]. Некоторые исследователи также уточняют, что поэт заменил определение «отеческую» на «священную», и это является символом твердой уверенности автора элегии в будущей встрече: «...там, в святом вечном покое, так оно и произойдет — они встретятся с отцом...» [Михайлов В.Ф., с. 11]. Однако стоит учитывать общий поэтический контекст и лирическое настроение автора «Запустения» в поздний период творчества. Так, В.П. Океанский указывает на *искание Бога*, характерное для стихов поздних лет: «Метафизическая основа поэтики позднего Баратынского (независимо от перемены “пессимистических” настроений на “оптимистические”!) все та же — *искание Бога*, стихийное влечение к божественному и, как следствие, фатальное обожествление *иного...*» [Океанский В.П., с. 47]. Вспомним здесь стихотворение «Последняя смерть» (1827), которое также цитирует исследователь и в котором также отразилось положение человека относительно двух начал — витального и танатологического, космоса и хаоса:

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье [Баратынский Е.А., с. 165].

Танатологический текст в русской художественной культуре всегда связан с философией эроса [Дударева М.А., Бурая М.А.]. Кроме того, в этом стихотворении возникает и *апофатический свет*, который человек может увидеть, находясь только на пороге бытия, но он также является жизнеспасительным:

Стихийному смятенью отдан он.
Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный [Там же].

Тогда тень и в «Запустении» можно понимать как тень *божественного света* — именно такой амбивалентный характер тени, связанной с светом и Творцом, будет открыт в русской религиозной философии начала XX века Н.А. Бердяевым («из Ungrund'a, из Бездны рождается свет, Бог...» [Бердяев Н.А., с. 155]).

Как данный контекст соотносится с бунинским рассказом? Принято считать, что герой «Несрочной весны» через топос усадьбы приобщается к миру мертвых, соединяется с ним, что лица с портретов и само пространство оставленной былой роскоши дворца для него более живые, чем послереволюционная Россия. С одной стороны, это действительно так, на что указывает концовка произведения: «Запустение, окружающее нас, неопишимо, развалинам и могилам нет конца и счета: что осталось нам, кроме “Летийских Теней” и той “несрочной весны”, к которой так “убедительно” призывают они нас?» [Бунин И.А., с. 217]. С другой стороны, перед нами не риторический вопрос, брошенный другу в письме, а вопрос *онтологический* с точки зрения потенциального действия, предполагающего выход из духовного кризиса, выход из состояния *смерти*. Е.В. Капинос, вычлняя державинский подтекст рассказа, обращает внимание на местоимение «они» и приходит к следующему выводу: «...грамматически “они” — это “могилы” и “развалины”, это они обещают “несрочную весну”, но у местоимения есть и другой оттенок: “они” — это поэты, чьему перу принадлежат “Запустение”, “Развалины” и еще множество элегий на тему руин» [Капинос Е.В., с. 68]. Под этим «они» скрываются русские поэты, собраты по перу, чье творчество непреходяще и остается в зонах истории, образуя *энтелехию* культуры.

И.А. Бунин вопросы *преодоления смерти* старался разрешить через размышления о творчестве Л.Н. Толстого [Агафонова В.Д.] (в «Современных записках», где была опубликована «Несрочная весна», в 1927 г. выйдет эссе «О Толстом»). Так, в философском размышлении «Освобождение Толстого» (1937) находим воззрение на существо творчества писателя: «Некоторый род людей обладает способностью особенно сильно чувствовать не только свое время, но и чужое, прошлое, не только свою страну, свое племя, но и другие, чужие, не только самого себя, но и ближнего своего, то есть, как принято говорить, “способностью перевоплощаться”, и особенно живой и особенно *образной памятью*. Для того же, чтобы быть в числе таких людей, *надо быть особью, прошедшей в цепи своих предков долгий путь многих, многих существований* и вдруг явившей в себе особенно полный образ своего дикого пращура со всей свежестью его ощущений, со всей образностью его...» [Бунин И.А., с. 50]. На первый взгляд, речь здесь идет не о смерти, но подлинное творчество сопряжено с особым, имагинативным, взглядом на действительность, образной памятью, которая вырабатывается через долгий путь *существований* (реинкарнаций), через преодоление смерти. Подобный взгляд на бытие находим в религиозно-философской концепции буддизма, которая косвенно повлияла на художественное мышление писателя (даже через идеи того же Толстого [Тагавердиева З.Р.]). Так И.А. Бунин пытался заглянуть в вечность, понять космическую природу не только творчества Л.Н. Толстого, но и творчества в целом — через философские размышления о другом писателе, большом художнике слова.

В конце рассказа возникает апофатический образ «несрочной весны» из элегии Е.А. Баратынского — образ, который несет в себе семантику *вневременности*, и эта вневременность, вечность позволяет пережить все горести и потери. Бунинский герой пытается прислушаться к заветам поэта-предшественника и передать свои раздумья в письме другу: «Помнишь ли ты те стихи Баратынского, из

которых я привел тебе несколько строк и которые так совпали с тем самым важным для всей моей те-перешней жизни, что таится в самом сокровенном тайнике моей души? Помнишь, как кончается эта элегия, посвященная предчувствию того Элизея, который прозревал Баратынский под тяжестью своих утрат и горестей?» [Бунин И.А., с. 217]. И в этих вопросах скрыто потенциальное действие и возможный ответ — выход из внешнего «запустения», из развала страны заключается в памяти, вернее, в *прапам-ляти*, приобщиться к которой можно через творчество поэтов, далеких и близких, Г.Р. Державина, Е.А. Баратынского, даже С. Есенина, через таинственный *откровенный* свет их поэзии, не чуждый и бунин-скому герою: «И теперь неотступно стоит передо мною *это солнечное царство* летних дней, бора и ска-зочно-спящего дворца, затерявшегося в бору, этих ворот со львами и бурьяном наверху...» [Бунин И.А., с. 217]. Примечательно то, что в бунинском мире «мертвых» проскальзывает луч света, который греет сердце героя даже вдали от родных мест — так в *беспочвенности* (Ungrund) обретается новая почва, новый свет.

В заключение стоит обратить внимание на поэтику заглавия анализируемого произведения. Как из-вестно, заглавие должно быть выразительным, а в случае И.А. Бунина заглавие передает *невыразимое*, которое станет главным принципом в его поздней поэтике (имеем в виду роман «Жизнь Арсеньева»). Если обращаться к теории заглавия С. Кржижановского, автора первой авторитетной брошюры «Поэ-тика заглавий», то перед нами Ante-scriptum [Кржижановский С., с. 22], то есть заглавие, *предваряющее* текст, когда содержание выступает в качестве иллюстрации. Так, апофатический эффект задается уже заглавием произведения.

Выводы. Апофатика художественная, конечно, отличается от апофатики в теологическом аспекте, но она в литературе проявляется тоже через отрицание, которое приближает поэта и нас вслед за ним к *непостижимому*, к сакральной реальности. И.А. Бунин создает рассказ, в котором апофатический эф-фект проявляется на разных уровнях текста, эксплицитно (заглавие апофатично, употреблена лексема с «не») и имплицитно (дан образ невечернего света). Большое значение для понимания онтологиче-ского уровня бунинского произведения имеет есенинский подтекст, который тоже связан с апофати-ческим светом, «заревым» текстом.

Источники:

1. Баратынский, Е. А. Последняя смерть («Есть бытие; но именем каким...») // Полное собрание стихотворений: в 2 т. Л.: Советский писатель, 1936. — Т. 1. — С. 165.
2. Бунин, И. А. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Воскресенье, 2005. — Т. 4. — 536 с.
3. Есенин, С. А. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. — М.: Наука; Голос, 1995. — 672 с.

Литература:

1. Агафонова, В. Д. Книга И. А. Бунина «Освобождение Толстого». К проблеме религиозного мирозерцания Бу-нина // Новый филологический вестник. — 2008. — № 1 (6). — С. 102–110.
2. Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. — М.: Искусство, 1994. — 541 с.
3. Дударева, М. А., Бурая, М. А. Голос О. Мандельштама в творчестве В. Дударева: национальный образ смерти // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, ме-дико-биологические науки. — 2023. — Т. 25, № 6 (93). — С. 97–103.
4. Занковская, Л. В. Иван Бунин о Сергее Есенине // «Большое видится на расстоянии...». С. Есенин, В. Маяковский и Б. Пастернак. — М.: Литера, 2005. — С. 16–27.
5. Капинос, Е. В. Элегический сюжет рассказа И. Бунина «Несрочная весна» // Филологический класс. — 2008. — № 2 (20). — С. 84–88.
6. Капинос, Е. В. Державинский подтекст рассказа И. А. Бунина «Несрочная весна» // Вестник Челябинского госу-дарственного университета. — 2013. — № 16 (307). — Филология. Искусствоведение. — Вып. 78. — С. 65–68.
7. Котельников, В. А. «Болящий дух»: о лирике Е. А. Баратынского // Труды Санкт-Петербургского государствен-ного университета культуры и искусств. 2009. — Т. 184. — С. 134–146.
8. Крицына, Е. Ю. Иван Бунин о Сергее Есенине: взгляд «лицом к лицу» и на расстоянии // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — № 10. — С. 197–199.
9. Кржижановский, С. Поэтика заглавий. — М.: Никитинские субботники, 1931. — 31 с.
10. Мальцев, Г. И. Эстетическая специфика формулы и содержание песни: традиция — формула — текст // Тради-ционные формулы русской народной необрядовой лирики. — Л.: Наука, 1989. — С. 37–104.
11. Михайлов, В. Ф. Баратынский (ЖЗЛ). — М.: Молодая гвардия, 2015. — 496 с.

12. Михайлова, М. Ю. Семантика невыразимого и средства ее передачи в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. — Уфа, 2017. — 322 с.
13. Млечко, А. В. «Несрочная весна»: рассказы Ивана Бунина и русский текст «Современных записок» // Вестник ВолГУ. Серия 8. — 2011. — Вып. 10. — С. 73–82.
14. Океанский, В. П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. — Иваново: ШГПУ, 2010. — 356 с.
15. Тагавердиева, З. Р. Буддизм в творчестве И. А. Бунина // Инновационная наука. — 2015. — № 6. — С. 169–173.
16. Чижонкова, Л. В. Старая и новая Россия в рассказе И. А. Бунина «Несрочная весна» // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. — 2010. — № 15 (19). — С. 48–50.
17. Юдушкина, О. В. Эсхатологическая символика поэм С. А. Есенина «Кобыльи корабли» и «Сорокоуст» (1919) // Гуманитарное пространство. — 2014. — Т. 3, № 4. — С. 652–661.

APOPHATICS OF I.A. BUNIN: YESENIN'S SUBTEXT IN THE STORY «NESROCHNAYA VESNA» («UNURGENT SPRING»)

© 2026 M.A. Dudareva

Marianna A. Dudareva, Doctor of Culturology, Doctor of Philology,

¹Head of The Department of General and Slavic Philology

Institute of Humanitarian Education and Culture

²Professor of the Department of Journalism

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

¹Russian State University named after A.N. Kosygin

²Zhirinovskiy University of World Civilizations

Moscow, Russia

The article is devoted to the poetics of I. A. Bunin, in which Yesenin's subtext latently manifested itself. The material for the work was a story by an author of the emigrant period with the apophatic complex title "Unurgent Spring." The object of the study was a paraphrase from Yesenin's famous short poem "Mare's Ships" inside Bunin's story. Much attention is paid to the image of dawn, which is the core for the poetics of both Bunin and Yesenin. Dawn in Russian artistic culture is associated with apophatic light, divine light, which is revealed to the hero at a certain hour of fate. The study also focuses on references to Derzhavin's text, which functions explicitly and implicitly in Bunin's story. This text has great cultural potential not only for studying the national existence of I. A. Bunin, but also for understanding the intercultural dialogue that arose between writers of different generations and aesthetic systems. The methodology of the work is based on the use of hermeneutic-interpretive method, which allows us to holistically understand the ontological issues of a work of art. The results of the article can be used in teaching courses on Russian literature of the early 20th century, folklore, and philosophy.

Key words: Russian literature, modernism, works of I. A. Bunin, poems by S. A. Yesenin, folklore, thanatological

DOI: 10.37313/2413-9645-2026-28-107-44-50

EDN: TUZSUL

Sources:

1. Baratynsky, E. A. *Poslednyaya smert'* («Est' bytie; no imenem kakim...») (The Last Death ("There is being; but in what name...")). Complete collection of poems: in 2 volumes. Leningrad: Soviet writer. 1936. Vol. 1. — P. 165.
2. Bunin, I. A. *Poln. sobr. soch.:* v 13 t. (Complete. collection cit.: in 13 volumes). — M.: Resurrection. 2005. T. 4. — 536 s.
3. Yesenin, S. A. *Collection. cit.:* in 7 volumes. — M.: Science; 1995-2002. Voice. 1. — 672 s.

References:

1. Agafonova, V. D. *Kniga I. A. Bunina «Osvobozhdenie Tolstogo».* K probleme religioznogo mirosozercaniya Bunina (Book by I.A. Bunin "The Liberation of Tolstoy." On the problem of Bunin's religious worldview). — *New Philological Bulletin.* 2008. — No. 1 (6). — Pp. 102–110.
2. Berdyaev, N. A. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva* (Philosophy of creativity, culture and art). — M.: Art. 1994. — 541 p.
3. Dudareva, M. A., Buraya, M. A. *Golos O. Mandel'shtama v tvorchestve V. Dudareva: nacional'nyj obraz smerti* (The voice of O. Mandelstam in the work of V. Dudarev: the national image of death) // *News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanities, medical and biological sciences.* — 2023. — T. 25, No. 6 (93). — Pp. 97–103.

4. Zankovskaya, L. V. Ivan Bunin o Sergee Esenine (Ivan Bunin about Sergei Yesenin. "Big things are seen at a distance...". S. Yesenin, V. Mayakovsky and B. Pasternak). — М.: Litera. 2005. — Pp. 16–27.
5. Kapinos, E. V. Elegicheskiy syuzhet rasskaza I. Bunina «Nesrochnaya vesna» (The elegiac plot of I. Bunin's story "Unurgent Spring") // Philological class. — 2008. — No. 2 (20). — Pp. 84–88.
6. Kapinos, E. V. Derzhavinsky subtext of I.A. Bunin's story "Unurgent Spring" // Bulletin of Chelyabinsk State University. — No. 16 (307). — Philology. Art history. — 2013. — Vol. 78. — Pp. 65–68.
7. Kotelnikov, V. A. «Bolyashchij duh»: o lirike E. A. Boratynskogo ("Aching spirit": about the lyrics of E. A. Boratynsky) / Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts, 2009. — T. 184. — Pp. 134–146.
8. Kritsyna, E. Yu. Ivan Bunin o Sergee Esenine: vzglyad «licom k licu» i na rasstoyanii (Ivan Bunin about Sergei Yesenin: a look "face to face" and at a distance) // Bulletin of the Buryat State University. — 2009. — No. 10. — Pp. 197–199. (In Russian).
9. Krzhizhanovsky, S. Poetika zaglavij (Poetics of titles). — М.: Nikitin Subbotniks. 1931. — 31 p.
10. Maltsev, G. I. (Aesthetic specificity of the formula and the content of the song: tradition - formula - text) / Traditional formulas of Russian folk non-ritual lyrics. — L.: Nauka. 1989. — Pp. 37–104.
11. Mikhailov, V. F. Boratynskij (ZHSL) (V. F. Boratynsky). — М.: Young Guard. 2015. — 496 p.
12. Mikhailova, M. Yu. Semantika nevyrazimogo i sredstva ee peredachi v russkom yazyke: dis. ... d-ra filol. Nauk (Semantics of the inexpressible and the means of its transmission in the Russian language: dis. ... Dr. Philol. Sci.) — Ufa, 2017. — 322 p.
13. Mlechko, A. V. «Nesrochnaya vesna»: rasskazy Ivana Bunina i russkij tekst «Sovremennyh zapisok» ("Unurgent Spring": stories by Ivan Bunin and the Russian text of "Modern Notes") // Bulletin of VolSU. — 2011. — Series 8. — Issue. 10. — Pp. 73–82.
14. Okeansky, V.P. CHelovek i total'nost': poetika prostranstva i ee krizis (Man and totality: the poetics of space and its crisis). — Ivanovo: ShGPU. 2010. — 356 p.
15. Tagaverdieva, Z. R. Buddizm v tvorchestve I. A. Bunina (Buddhism in the works of I. A. Bunin) // Innovative science. — 2015. — No. 6. — Pp. 169–173.
16. Chizhonkova, L. V. Staraya i novaya Rossiya v rasskaze I. A. Bunina «Nesrochnaya vesna» (Old and new Russia in I. A. Bunin's story "Unurgent Spring") // News of the Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. — 2010. No. 15 (19). — Pp. 48–50.
17. Yudushkina, O. V. Eskhatologicheskaya simbolika poem S. A. Esenina «Kobyl'i korabli» i «Sorokoust» (1919) (Eschatological symbolism of S. A. Yesenin's poems "Mares' Ships" and "Sorokoust" (1919) // Humanitarian space. — 2014. — T. 3, no. 4. — Pp. 652–661.